

ОКСАНА КОЛАБСКАЯ

ЧУДЕСА ИСКУССТВА

РАССКАЗЫ СТАРОГО СВЕЧКА

Книга четвертая

Москва
Издательство «БПП»
2010

Текст представлен в авторской
редакции, орфографии, пунктуации

ПОДАРОК ВЕЛИКОГО АКТЕРА

О! Мы вновь в каморке старого Сверчка! Интересно о чём он нам поведаёт сегодня?.. Господин Сверчок! Не слышит... Господин Сверчо-ок! Где Вы?

— Тише! Не шумите... — раздался таинственный шепот за каминной полочкой. Из-за неё показались закрученные усики. А потом и весь Сверчок в плащике, сотканном из лунного света. Он с удивительной лёгкостью забрался на свое излюбленное местечко.

— Сегодня, мои дорогие... — Сверчок взмахнул лапкой так, что плащ вдруг превратился в огромный сверкающий занавес, закрывший почти всю каморку. — Не пугайтесь, это не простой занавес, это театральный занавес... Вы бывали в театре, мои дорогие? О, конечно же, бывали! Удивительное место! О нём трудно рассказать... С чем сравнить это странное искусство, которое оживает, когда артисты выходят на сцену и начинают играть свои роли. И умирает с последними звуками наших аплодисментов... — Сверчок говорил тихо. Только веточки в камине радостно потрескивали. И тепло разливалось вокруг. — Это искусство требует от человека превращения в совершенно другого человека! Или в какое-нибудь животное! А иногда — в существо очень сомнительного происхождения, живущее где-нибудь в земле или на облаке, или вообще на другой планете! Мы покупаем билеты, мы приходим в театр и мы ждем... праздника, чуда! Ждем, что вот-вот откроется занавес, и на сцене оживет сказка. Мы верим... всем своим существом верим, что волшебный непроходимый лес, по которому пробирается отважный ца-

ревич, чтобы спасти свою невесту, или сказочный замок, в котором томится бедная одинокая царевна, или таинственное озеро, на берегу которого по ночам белые лебеди превращаются в прекрасных девушек — все это возникает по волшебству!.. Да и как тут обойдешься без чуда! Как иначе может возникнуть этот театральный мир необычный, манящий, загадочный. Он кажется таким близким — только встань, протяни руку и... Но, нет! Он ускользает так быстро и так неожиданно, словно по мановению волшебной палочки. Поэтому лучше не приближаться. Уж очень он хрупок. Лучше просто смотреть и слушать, но не просто так, а сердцем. Тогда скорее прикоснешься к нему и унесешь домой частичку этого чуда. И уж поверьте мне, частичка эта останется с вами на всю жизнь... Как можно об этом рассказать?..

Как можно рассказать об актере, мои дорогие? Где и как найти среди многочисленных ролей его собственную душу? Какой он, этот странный человек, способный прожить за свою жизнь множество других жизней?! И можно ли назвать актерское искусство профессией? А может быть это предназначение? И актерское искусство это не просто дело? Это образ жизни, которому подчиняешься беспрекословно? Иначе ты не актер...

Голос Сверчка дрогнул. Он ... о, да!... он взял свою скрипочку!

— Давно это было. А может быть, и не очень давно. В позапрошлом веке. Для кого как... Так вот, жил в позапрошлом веке один мальчик. Звали его Миша. Миша Щепкин. Жил он с родителями мамой и папой.

Пошалить любил, голубей погонять, в лапту поиграть. Правда, случались с ним в детстве чудеса. Однажды, когда он четырехлетний малыш, заблудился в лесу, его вывел необыкновенный мальчик, «который был еще меньше меня, и такой хорошенький», совершенно непонятным образом вдруг появившийся в лесу. Мало того, он провел Мишу мимо волчицы с волчатами, да еще приласкал ее! Все, пережившие это событие, решили, что это и был Ангел-Хранитель Мишеньки. Ведь если бы Он не охранил тогда Мишеньку... Страшно подумать, что бы могло произойти! И мы никогда бы не узнали величайшего актера, прославленного создателя русского театра, добрейшего и умнейшего человека Михаила Семеновича Щепкина! Вот так в жизни все устроено.

Жил Миша спокойно, в любви и согласии, учился, играл. Пока... не случилось ему побывать... где бы вы думали? Конечно в театре! Да, в театре, мои дорогие. Что ни говори, театр — место действительно волшебное! Потому что Миша заболел... нет-нет, не гриппом, не ангиной. Миша Щепкин заболел Театром! На всю жизнь!! Окончательно и бесповоротно!!!

Почитайте, мои дорогие, записки актера Щепкина, которые так и называются «Записки актера Щепкина». Очень скромно и с достоинством! Почитайте обязательно! Простой, ясный, живописный рассказ великого актера о своей жизни. О жизни совсем не такой ясной, простой и живописной! О жизни тяжелой, с унижениями и оскорблениями, но... счастливой! Потому что Михаил Семенович умел радоваться и благодарить Бога за все, за все, что ему давалось! Он относился к своей

жизни как к чуду, никогда не жаловался, даже не смотря на то, что был до зрелого возраста крепостным! Крепостным, то есть рабом, то есть собственностью другого человека, просто очень богатого. И его, уже известного актера, перекупали и продавали! Ужасно? Да, ужасно и унижительно. Было такое у нас на Руси. Было! Но... раз было, значит, так нужно. И не нам об этом судить...

Почему же Михаил Щепкин считается великим актером, спросите вы, мои дорогие? Ведь актерский труд невозможно оценить во времени. Спектакль кончился. И только наши сердца способны сохранить память о том спектакле. Все чувства, мысли, мелодию, звуки голоса. Можно запечатлеть его на пленке, но останутся не те впечатления. Это все равно, что посмотреть на фотографию вместо того, чтобы пообщаться с живым человеком. Лучше всего, наверное, записать на бумаге. Что и делали очевидцы игры Михаила Семеновича Щепкина. И все эти многочисленные восторженные записи остались, чтобы рассказать нам о великом актере, чтобы и мы с вами могли прикоснуться к той замечательной поре расцвета русского театра! К той поре, когда театр, по выражению Николая Васильевича Гоголя, стал не просто забавой и местом развлечений, а «...кафедрой, с которой можно много сказать миру добра...» Чтобы мы могли заглянуть за кулисы того театра, в котором Щепкин совершал настоящие чудеса своей игрой. В роли Городничего из комедии «Ревизор» он заставлял публику смеяться до слез! Но смеяться не над героями, а вместе с ними, по-доброму, по-щепкински... О Городничем Щепкина отзывались, как об изящном, грациозном, простом, душевном человеке. А ведь, если

вы помните комедию, Городничий не из приятных людей! И так со всеми отрицательными героями! В каждом образе, даже самом отпетом негодяе, Щепкин искал одну какую-нибудь страсть, ставшую причиной дурного поступка и тем самым вызывал сочувствие и любовь зрителей. Знаете, что он написал Гоголю в одном из писем? Сейчас-сейчас, у меня сохранилось это письмо. Николай Васильевич на сохранение мне отдал. Вот!.. Вот эти строчки: « ... до сих пор я изучал всех героев «Ревизора», как живых людей. Я так видел много знакомого, родного, я так свыкся с Городничим, Добчинским и Бобчинским ... я их люблю, люблю их со всеми слабостями, как и вообще всех людей...» Понимаете, мои дорогие? «Люблю... всех людей...»

Михаил Семенович действительно любил людей, любил жизнь во всех ее проявлениях. Даже его Барон из «Маленьких трагедий» Александра Сергеевича Пушкина вызывал жалость! Как, удивитесь вы, этот страшный старик, скупость которого была настолько велика, что зрители содрогались от ужаса, когда Барон вставлял ключи в замочные скважины своих неисчислимых сундуков, мог вызвать жалость и сочувствие?! Да, мои дорогие, тем Щепкин и был велик, что и этого человека пожалел и заставил жалеть нас с вами. Ведь Барон, в сущности, несчастный старик, полностью поработенный своей страстью. Он не знает радости, тепла и любви. Он боится одного — что сын не сможет сберечь его богатств, которые собирал всю жизнь, не считаясь ни с кем и ни с чем. Недаром стены театра сокрушал безумный вопль умирающего Барона: «Он рас-то-чит!» Вопль,

от которого, как вспоминают очевидцы, мороз пробирал по коже.

Сколько стариков переиграл Щепкин, сколько женихов, скряг, простачков, благородных отцов семейств. Всего около пятисот! И каждый образ был создан подробно, живо, точно. Щепкин не боялся бесконечно учиться до самой старости и умел работать каждый день без усталости и жалости к себе. Так же требователен был и к своим ученикам Гликерии Федотовой, Анне Шуберт, Михаилу Ленскому. Их было много, его учеников. И не только учеников. В хлебосольном гостеприимном доме Щепкиных собирались лучшие люди той эпохи. Н. В. Гоголь, А. С. Пушкин, и Т. Г. Шевченко, и Т. Н. Грановский, и А. И. Герцен, и С. Т. Аксаков, и многие, многие другие. Он был источником радости, любви, добродушия, добросердечия, помогал всем просящим и нуждающимся чем мог, принимал в свой дом сирот и обездоленных, одним словом, был великим старцем и великим актером.

Да, Щепкин велик! Но не кажется ли вам, мои дорогие, что в величии своем он стал для нас родным, словно мы с ним были лично знакомы! Рассмотрите его портреты. Смотрите, любуйтесь! Вглядитесь в это доброе полное лицо... умные усталые глаза, тонкий выразительный рот, прямой нос, чуть вьющиеся седые волосы... Почитайте воспоминания его близких, друзей, их письма. И, может быть, вам тоже посчастливится увидеть великого актера в один из тех редких вечеров, проведенных с домашними. Вот он, как сейчас помню, в неизменном своем коричневом с цветочками по полосам халате, молчаливо рассказывает по многочислен-

ным комнатам дома в Спасском переулке. Расхаживает, закинув полные руки за спину, и иногда вдруг изрекает: «Прости, моя мила, що ты мене била...». А вот он старательно крошит на террасе белый хлеб воробьям на устроенную для этого специальную полочку... Кому-то удастся и услышать глубокий красивый голос актера, вспоминающего о добром старом времени... А кто-то из вас, дорогие мои, побывает в московском Малом театре, в котором всю жизнь проработал Михаил Семенович Щепкин, и уловит искорки таланта великого старика, бережно сохраненные до наших дней актерами этого театра. Актерами, способными заставить ваши сердца то сжиматься от сочувствия и жалости, то радостно биться в упоении и любви. Попробуйте и вы рассказать об этом...

«...Я СЧАСТЛИВЕЙШИЙ ЧЕЛОВЕК В МИРЕ...»

— Поведаю Вам сегодня еще об одном великом человеке, об актрисе Марии Николаевне Ермоловой. Слушайте же, и не забывайте этих людей никогда. Ибо они умели творить настоящие чудеса!

Театральный спектакль Машенька Ермолова впервые увидела через крошечное суфлерское окошечко. С удивлением она взирала снизу вверх на сцену, где происходили потрясающие вещи! Знакомые дяди и тёти, которые приходили к ним домой, улыбались ей, приносили пряники и похлопывали ее по пухлой щечке, что, кстати, ей никогда не нравилось, разговаривали с отцом, пили чай — на сцене вдруг превращались в чужих людей и вели себя весьма странно! Они до того преобразались, что Машенька порой с трудом узнавала их. В великолепных чужих нарядах, они произносили длинные чужие речи, бегали по нарисованному на тряпке лесу, выглядывали из окон игрушечного дворца, дрались деревянными шпагами! Шпаги Машенька проверяла лично. Они были действительно деревянные, выкрашенные серебряной краской. Но самое удивительное, странные люди эти играли, словно дети, совершенно серьезно, будто все вокруг них было самое настоящее! И Машенька, увлекаясь происходящим на сцене, и сама моментально забывала о деревянных шпагах, о тряпичном лесу и картонном замке. Суфлерское окошечко расширялось до невероятных размеров! В нем умещался целый мир, волшебный, чудесный, завораживающий, выдуманный и... что ни на есть, самый настоящий! Машенька трепетала от восхищения, вол-

нения, сочувствия к этим людям в чужих одеждах, которых папенька называл актёрами.

В тот памятный вечер Машенька узнала, что будет великой актрисой. Откуда пришло это знание, она не знала, да и не пыталась узнать. Знание это радовало невероятно, приподнимало над суровой действительностью, которую Машеньке приходилось принимать и терпеть. В семье Ермоловых почти все работали в театре, но в доме был строгий порядок, заведенный главой его Николаем Алексеевичем Ермоловым, служившим суфлером в Малом театре. Машенька любила отца, считала, что страшно на него похожа и что унаследовала его тяжелый молчаливый характер. Любила и мать свою Александру Ильиничну, тихую кроткую труженицу, посвятившую жизнь семье и сумевшую сохранить в своих трех девочках неугасимую любовь к жизни, несмотря на страшную бедность. Они ведь, мои дорогие, долгое время ютились в подвальном помещении старенького двухэтажного дома. Так что Машеньке было не привыкать и на реальный мир смотреть в крошечное окошечко, словно из суфлерской театральной будки...

Машенька, сама того не замечая, копировала всех подряд, даже дворника Петровича, за которым внимательно следила, глядя в свое окошечко. Самое удивительное, что у Машеньки получалось очень похоже! Ох, и веселились же все, глядя на Машеньку! Маменька всплескивала руками, сестры заливались смехом и дразнили Машеньку маленькой обезьянкой. А отец в восхищении восклицал: «Ах, Машенька... ах, Машенька... ах!» Он хотел стать актером, как и его братья. Но так случилось, что всю жизнь прослужил суфлером. И

каким суфлером! Сколько раз Николай Алексеевич вырчал актеров, подсказывая им реплики. И даже сочинял «на ходу» кусочки роли, вырванные из текста чьей-то нерадивой рукой и, тем самым, спасал спектакль! Воистину, театр существует благодаря таким невидимым его служителям верным и честным! «... Мы были на виду, блистали, А ты нам тихо «подавал»... Нередко лавры нас венчали, когда успех Ермолов создавал...» Так он и проработал «как улитка в раковине» до самой смерти, заработав в этой «раковине» туберкулез легких. Ох, хо-хо... Но он успел увидеть триумф своей Машеньки на сцене. Он успел насладиться ее необычайным даром, словно восполнив в ней свое нереализованное, невысказанное...

Но у Машеньки складывалось все не так гладко. Когда Машенька подросла, ее определили, как и всех детей Ермоловых, в балетную школу — единственное театральное училище по тем временам. И самым трудным и неуспешным предметом у Машеньки оказались танцы! Да еще знаменитый актер Самарин прослушав Машеньку, назвал ее бездарной и сказал свой приговор: «Пускай себе пляшет у воды...» Папенька беспомощно разводил руками и тихо восклицал свое: «Ах, Машенька... ах, Машенька... ах!» Но Машеньке было дано знание, и знание это заставляло ее заниматься, трудиться, изучать, наблюдать, отвлекало от мрачных мыслей и поддерживало уверенность в своих силах. Машенька бесконечно много читала, учила наизусть, разыгрывала перед девочками целые спектакли в дортуаре, которые так и назывались «у комода». И... однажды... Как и должно было случиться, Машеньку пригла-

сила знаменитая Н. М. Медведева заменить заболевшую актрису в своем бенефисном спектакле «Эмилия Галотти» и сыграть главную роль! И шестнадцатилетняя Машенька Ермолова, в тот знаменательный вечер покорила Москву своей неподражаемой искренностью и глубочайшей проникновенностью! Она заставила рукоплескать ей, неопытной девочке, чуть ли не впервые вышедшей на сцену, сумевшей объединить многочисленную толпу зрителей в едином порыве сочувствия и любви к ее героине. Как ей это удалось?! Нам, мои дорогие, не дано понять... Да и Машеньке, наверное, тоже было не разгадать этой тайны. Она лишь могла почувствовать своим чутким сердечком величайшую ответственность за этот невероятный Дар общения со зрителем, данный ей Свыше. И что расплата за дар этот актерский тоже велика... ее жизнь! Машенька была готова на все. В тот вечер она записала в своем дневнике: «Я счастлива... нет, я счастливейший человек в мире...»

Театр тогда, благодаря усилиям наших величайших деятелей искусства, воспринимался... помните?.. как «...кафедра, с которой можно сказать много миру добра...» И Мария Николаевна отдавала всю себя на служение этой кафедре. И действительно была счастливейшим человеком! Она жила для своей семьи, родителей, дочери и мужа. Она жила для своих сестер, всеми силами помогая им в нужде и болезнях. Она жила для чужих людей, которые всегда получали от нее помощь, чаще всего даже не зная, кому обязаны своим спасением, и становились уже вовсе не чужими. Она жила на сцене жизнью своих героинь ради своих зрителей, которые буквально носили ее на руках. Ее Лау-

ренсия, Иоанна д Арк, Мария Стюарт, Сафо, Кручинина, ее любимые героини, это она сама... Или ... это другие люди, которых на самом деле не было... Но для зрителя они были реальны, они заставляли думать о себе, сопереживать им. Это и есть правда театра, мои дорогие... Ибо Ермолова строила свою жизнь и жизнь своих героинь по своим правилам, которые продолжала записывать даже перед смертью уже дрожащей рукой. Послушайте, мои дорогие друзья. Это надо знать. «...Худого худым исправлять нельзя»... «...не требуйте за любовь — любви, за службу — благодарности»... «Оставляйте суровость...будьте как дети незлобивы...» В годы ее старости после революции читать Евангелие было запрещено, и Мария Николаевна переводила Священные Слова на театральный язык, то есть создавала на сцене своих добрых, мужественных, самоотверженных женщин, способных любить вопреки всему и всем. И сердца зрителей сжимались от сострадания и боли. И становились добрее, мягче, милосерднее. Любовь эта и давала силы великой актрисе выходить каждый вечер на сцену, чтобы вызвать улыбку или слезы сочувствия в зрительном зале. Чтобы подарить своим зрителям праздничные радостные минуты соприкосновения с другим миром... И мир этот всеми своими силами расширить до размеров вселенной, что ей всегда удавалось в детстве, сидя на коленях у отца в суфлерской будочке... Они дорого стоят, эти моменты единения двух вселенных — зрительного зала и сцены, эти моменты просветления, очищения, душевной гармонии, взаимной теплоты...

Сверчок вдруг вновь взмахнул своей лапкой, и сверкающий занавес вновь стал маленьким плащиком. А Сверчок чуть отодвинулся на своей полочке и ... за ним оказался неизвестно откуда взявшийся портрет — профиль красивой и обаятельной дамы. Очень выразительный профиль. Ее волнистые волосы были убраны в мягкий узел. Шею обрамлял ажурный воротничок. Казалось, она сейчас повернется и улыбнется, сдержанно, но с любовью и добротой. Сверчок вскочил и низко поклонился этому необычному портрету.

— Низкий вам поклон, Мария Николаевна, от нас, не зрителей ваших, но почитателей, хоть и не видевших Вас никогда на сцене, но всеми силами старающихся сохранить память о вашей чистой, искренней, самозабвенной игре...

КУКЛЫ НА ФРОНТЕ

— О войне вы много слышали, мои дорогие. И, слава Богу, многие из вас не знают, что такое война. Когда кругом всё рушится, папа уезжает воевать, а мама усталая и больная только и думает, чем бы вас, мои дорогие накормить и согреть. Ох, как это страшно и тяжело. И те дети, которым пришлось пережить всё это, очень рано повзрослели. Вот так... Но не грустите, не надо!

Сверчок достал шарик... маленький шарик от пинг-понга. Но... он дырявый?!

— О, не спешите, мои дорогие, кто-то из вас видит просто дырявый шарик, а кто-то... А ну-ка, дайте мне свой пальчик, вот этот указательный! Вот так... Видите, я надел дырявый шарик на палец и получился... Правильно, человечек! Да еще живой! Ему можно нарисовать личико — доброе, грустное, веселое! Какое захотите! Ему можно сделать шляпу, а можно сшить платье! Всё в ваших руках! Вот так...

— А нужен ли театр на войне? — спрошу я вас, дорогие мои. Да не простой театр, театр кукол. Нужен ли?.. Кругом бомбежки, сражения, умирают люди, рушатся целые города, сгорают дотла деревни. А тут артисты с куклами! Зачем?! Всем по винтовке и в бой — гнать фашистов! Сергей Владимирович Образцов тем страшным летом 1941 года, когда началась Великая отечественная война, тоже бесконечно задавал себе эти вопросы. Он изготавливал куклы, сочинял смешные сценки про Гитлера и фашистов и спрашивал, спрашивал и спрашивал себя — неужели мы с куклами можем

что-то сделать для победы? Помочь на фронте, где гибнут тысячи молодых и красивых ребят, помочь в госпиталях, где они страдают и мучаются израненные, изуродованные... И в тылу, где изможденные, усталые люди из последних сил работают для фронта... До театра ли им? И найдется ли роль театральным куклам в этой страшной трагедии, разыгранной, к сожалению, не на сцене, а по правде.

С первых же дней войны все прояснилось. Кукол не убрали в ящик и не забросили пылиться на самую дальнюю полку на время войны. Их призвали на фронт воевать в самом прямом смысле! Призвали, как самых настоящих солдат, защищать свою Родину. Но, как вы понимаете, у кукол свое оружие — они способны подарить радость в самые страшные минуты жизни. И куклы Сергея Образцова отважно сражались. Сражались даже под Москвой перед той знаменитой битвой, заставившей отступить фашистские войска. Сражались, как вы понимаете, за ширмой, задорно разыгрывая уморительные сценки из жизни Гитлера и его окружения! И добрый радостный смех, а порой и оглушительный хохот молодых солдат разливались тогда в вечернем лесу под городом Малоярославцем. И генерал сказал: «Большое вам спасибо. Нам завтра в бой, а сегодня солдаты будут крепче спать. Хорошее настроение перед боем — это очень важно». Вот так!

А Сергей Владимирович вместе со своей женой Ольгой Шагановой, с актерами-кукольниками и с куклами выступали в госпиталях. И не только перед выздоравливающими солдатами, которые могли сами добраться до палаты, превращенной в театральный зал. За-

бавное кукольное представление смотрели и тяжело-раненные! Куклы приходили к ним прямо в палату. Запомнился Сергею Владимировичу один солдат, совсем мальчик, без рук и без ног на инвалидном кресле. Он так радостно смеялся, глядя на куклу — трогательного забавного крошку Тяпу, оживавшую, как по волшебству, в руках у Сергея Владимировича. В эти счастливые мгновения страшное забывалось. Куклы приносили радость и безнадежно больным, которым не суждено было вернуться домой. На сомнения Сергея Владимировича, можно ли их беспокоить, врач твердо сказал: «Наоборот! Им и надо больше всего!»

На фронте куклы прославились и зарекомендовали себя как смелые и мужественные воины. Они имели такой грандиозный успех, что военные командиры поручили Сергею Владимировичу собрать способных солдат и организовать из них бригады кукольников, чтобы направить их в боевые точки и показывать театральные представления. Вот здорово! Правда?.. Такие солдаты нашлись. Они с великим удовольствием лепили кукол из глины (лучший материал по тем временам для этого наиважнейшего производства), делали папье-маше, шили костюмы. Терпеливо учились управлять своими куклами, с увлечением разучивали смешные сценки про ненавистного Гитлера. А потом разъезжались по разным батальонам сражаться с врагом с куклами в руках. Оказывается, воевать можно не только вооружившись гранатой или автоматом! Вот так...

А Образцов опять сомневался — неужели что-то получится? Неужели куклы сейчас нужны? И чувствовал себя дезертиром. Ответ он получил спустя много лет

после войны. Однажды к Сергею Владимировичу подошёл пожилой человек и представился актёром того самого фронтового самодеятельного кукольного театра! Образцов, конечно, не помнил его. Ведь этот человек тогда был молодым, без бороды и седины в волосах. Где же тут вспомнить?! Но театр этот фронтовой, в который вложил столько сил, любви и доброты, не забыл. А бывший актёр этот рассказал, что выступали они по всему Западному фронту! Сами номера придумывали и кукол сами делали. Так и сказал: «Благодарностей сколько было!» Вот так...

Как-то во время бомбёжки здание Театра кукол сильно пострадало. Играть в нем было нельзя. И тогда кукольникам дали речной трамвайчик и направили на гастроли по городам Волги. По пути им встретилась баржа с детишками, вывезенными из Москвы. Детишки перепуганные, расстроенные, зареванные. Впервые оказались без мам, без пап, везут их неизвестно куда и насколько. Непривычно, тревожно и страшно. Война непонятная, жестокая, словно ужасно злой дракон из сказки, проглотила часть мира, в котором были солнечное утро, мамина улыбка, день рождения, плюшевый мишка, театр. Как тут не заплакать...

Но вдруг чудо! Московский театр кукол! И его самый добрый доктор кукольных наук Сергей Владимирович Образцов собственной персоной! Радости ребят не было предела! Слёзы высохли. И на борту баржи зазвучал счастливый детский смех. Ещё бы! Появилась ширма, наверху которой веселое солнышко ручки свои раскинуло, словно обняло всех-всех ребят и согрело своим теплом. И Емеля такой лентяй оказался, просто

сказочный, таких в жизни и не встретишь! И, надо же, щуку волшебную поймал! И на царевне женился! Емеля просто очень добрым был. А добро... она превыше всего! Вот так... И куклы опять совершили подвиг. Пусть всего на час, но возвратили несчастных малышей в то мирное «тогда», когда было спокойно и нестрашно. И подарили надежду, что когда-нибудь оно, это «тогда», наступит вновь. А сколько ребят военных лет, благодаря этим веселым куклам, благодаря актёрам, благодаря их умелым рукам и добрым сердцам, вот так счастливо смеялись!.. И тогда все сомнения Сергея Владимировича таяли, словно сосульки на жарком весеннем солнышке. «Нужны! Очень нужны. Действительно, очень нужны»...

Так и воевал Сергей Владимирович Образцов, пока не закончилась Великая отечественная война. Всегда на боевом посту. За театральной ширмой. С куклой в руках. И это, поверьте, мои дорогие, ничуть не легче, чем в бою. Он испытал все тяготы и лишения, и голод, и холод, и потерю близких. Тревожился за своего сына Алёшу, который воевал на фронте, прошел всю войну и был отмечен наградами. Но самое страшное испытание было для его доброй, словно детской души. Он с ужасом взирал на всё происходящее вокруг, бесконечно страдал и не переставал задавать вопросы, на которые ответить невозможно. Зачем всё это?.. Кто способен на это?..

Раны, нанесённые войной, никогда не заживают. Но со временем боль утихает. Особенно, если рядом с тобой настоящие друзья, такие чуткие, как куклы. Ведь

стоит куклу взять в руки, она тут же откликнется и оживёт. Как тут не улыбнуться! Вот так...

В ВОЛШЕБНУЮ СТРАНУ ТЕАТРАЛЬНЫХ КУКОЛ!

— О, мои дорогие друзья, как я рад вас видеть! — Сверчок сидел, завернувшись в плащ, сотканный, как вы помните, из лунного света, на своей излюбленной каминной полочке. — Извините меня, мои дорогие, но к чаю сегодня не приглашаю. — Сверчок встал и взмахнул своей тоненькой лапкой. Плащ засверкал, засиял, заискрился. — Сегодня у нас с вами большое путешествие... — Он перешел на шепот. — К волшебнику... Да-да, к самому господину Волшебнику!

Как только Сверчок произнёс эти слова, все вдруг потемнело, послышались нежные радостные звуки флейты... Волшебной флейты! Да, той Ангельской дудочки, вы помните, мои дорогие. Вокруг зажглись яркие звезды. И серебряный месяц... Он стал опускаться все ниже и ниже! Вдруг открылась темная завеса, переливающаяся всеми цветами волшебной ночи. На месяце гордо восседала... О, это была прекрасная Царица Ночи из оперы Вольфганга Амадея Моцарта «Волшебная флейта». Огромные тёмные глаза ее сверкали. А как она пела! Сильный, чудный голос заполнял все вокруг, притягивал, завораживал, очаровывал. Звёзды то зажигались, то гасли, словно играли в прятки. Даже слышалось их тихое-тихое хихиканье... Сверчок, ловко присев на одно колено, и склонив свою головку с маленькими закрученными усиками, произнёс:

— О, несравненная Царица Ночи! Не гневайся на нас, дерзнувших пожаловать в волшебную Страну театральные Кукол! Пропусти нас, желающих проникнуть в ее тайны. И, кто знает, может быть, кто-нибудь из этих

прекрасных отроков, останется здесь навсегда! Вам, я знаю, нужны верные и преданные служители!

Царица Ночи, чуть наклонила свою величественную голову и жестом указала на золотые ворота, возникшие совершенно внезапно. Царица скрылась за ночной завесой. Вокруг посветлело, взошло солнце. Ворота осветились его золотистыми лучами и открылись. Но, постойте, где же сказочный дворец, в котором живет господин Волшебник?! Это просто комната, заваленная инструментами, кукольными головами с разными лицами, кукольными руками и ногами, палками, разноцветными кусками ткани. За столом — светловолосый молодой человек. И одет он в простую одежду и ничуть не напоминает сказочного волшебника.

— Приветствуем тебя, наш добрый повелитель кукол! — Сверчок радостно улыбнулся и махнул своей лапкой. — Проходите, мои дорогие! Не стесняйтесь! Это и есть господин Волшебник Андрей Сергеевич Денников! Прошу любить и жаловать! Не верите?! О, время чудес еще впереди. А это одна из дворцовых комнат! Самая таинственная, самая удивительная, самая сказочная. Не обращайтесь внимания на беспорядок. Вернее, это не беспорядок, это рабочая обстановка. Именно здесь, в этой скромной комнате, и рождаются куклы... Не простые, а... актёры! Зачем нужны куклы-актёры? О, они многое могут и на многое способны! Я прав, господин Волшебник?

— Конечно, мой дорогой Сверчок! Конечно, ты, прав, как всегда! — Волшебник бережно взял Сверчка в ладони и посадил на крохотную полочку, словно нарочно сделанную для него. — Я понимаю, вам не верится,

что здесь живет волшебство. Но волшебство — это не мистика. Оно не возникает ниоткуда. Вы тоже можете стать волшебниками. Да, это совершенно точно. Просто... Многое зависит от вас самих. Кукла, она неживая... Это лишь несколько кусочков материи, дерева, проволоки, но... Мастер создает её своими руками, он вкладывает в неё столько любви, что когда актёр оживляет ее, кукла способна сохранить эту любовь. Поэтому актёры обязательно должны принимать участие в создании своей куклы. Это нелегко, но кукла созданная сообра — настоящее чудо, поверьте мне! А дальше... зависит от актёра, будет жить кукла или нет. Куклы для меня как скрипки. Как сыграю, так и запоют... Слышите?

Мгновение!... И зазвучал чей-то тонкий нежный и очень печальный голосок. Пение нарастало. Из темноты показалась девушка. Длинные волосы ее были распущены и спадали по плечам. Беспросветная грусть омрачала ее тонкое милое личико.

— Это Джильда... Джильда из оперы Джузеппе Верди «Риголетто». — Волшебник с нежностью посмотрел в её огромные глаза, в которых отражалась такая боль, что слёзы невольно наворачивались на глаза. — Джильда должна умереть... — Голосок Джильды становился все тише, слабее. Волшебник вздохнул, подхватил её на руки. Головка девушки безжизненно повисла. Пение стихло. Осторожно положив Джильду на стол, Волшебник медленно убрал от неё свои руки...

Сверчок мгновенно спрыгнул со своей полочки, схватил девушку за руку. В руке не было жизни...

— Что вы наделали, господин Волшебник! Как же так... Я думал, вы...

— Ничего не поделаешь, мой милый Сверчок, такова опера «Риголетто». Не в наших силах переделывать великую оперу. Но не надо забывать, кто я есть!

Вдруг Джильда вздохнула, шевельнула рукой, медленно повернула голову, осмотрелась и встала. Правда, личико её оставалось все таким же печальным.

— Вы видите, мои дорогие, я вас не обманул! — Сверчок снова был водружен на свою полочку.

— Никто не может так умереть на сцене, как кукла. Никакой актёр. А кукла может всё! Попробуйте сделать куклу живой, попробуйте убедить зрителей, что у неё бьется сердце. Только не прячьтесь за ширму. И вы овладеете искусством истинных актёров театра кукол! А это и есть волшебство! Все просто. Но... не совсем. Чтобы вдохнуть в куклу жизнь, мало знать ее устройство и научиться управлять ею. Необходимо сначала проникнуть в эпоху героя, которого играет кукла, изучить манеры поведения, разговора. Для этого надо много читать, изучать творчество художников того времени, смотреть старые фильмы, фотографии. С прошлым надо быть крайне осторожным. Нельзя его терять. Иначе актёр ошибется, всё разрушится и спектакля не получится...

— Откуда взялся этот сундук? — Сверчок хотел было вновь соскочить со своего теплого местечка. Но из-за сундука вынырнул пренеприятнейший старикашка! Огромная голова его с длинным носом-клювом, казалось, еле держалась на тонкой птичьей шее. Хищный горящий взгляд отталкивал и пугал.

— О, не бойтесь, мои дорогие друзья! Это Барон, Скупой рыцарь из «Маленьких трагедий» Александра Сергеевича Пушкина. Собственной персоной!

Барон зло сверкнул на Сверчка своим страшным взглядом. Но Сверчок продолжал улыбаться, свесив тонкие лапки с полочки. Барон молча отвернулся, тяжело вздохнув, загремел невероятной связкой ключей. Как только эта тяжесть не перевешивала его тщедушное тело?! Он заковылял к сундуку, трясущимися руками выбрал нужный ключ, неспешно вложил ключ в замочную скважину, повернул и... затих, с наслаждением прислушиваясь, как со звоном отмыкается замок. Но что это?!.. Барон затряс головой, и вдруг раздались странные звуки — что-то вроде хриплого поскрипывания. Это Барон, взирая с восхищением на свои богатства... смеялся! Он обнимал эти мёртвые золотые монеты, тёрся о них, словно счастливый кот, урчал от удовольствия, купал в них свои костлявые руки и хрипел жутким скрипучим смехом. «Я царствую!.. Какой волшебный блеск!..» Скупость его поражала, ужасала и, в то же время, его становилось жаль! Жаль!?

— Да, очень жаль человека, который не способен увидеть вокруг себя жизнь, красоту Божьего мира! — Волшебник взял Барона в руки, и... Вот это чудеса!.. Барон в его руках мгновенно превратился в кусок материи, который просто повис на руке, — Жаль того, кто не может почувствовать радость небесную, услышать пение Ангелов, разговаривать с Создателем, каяться, очищаться, сопереживать и сочувствовать ближним. Его душа мертва. Что может быть страшнее?.. Ведь перед смертью этот человек, — Волшебник аккуратно сложил

материю в коробку, — не взывал к Господу, а кричал: «Ключи, ключи мои!...» Александр Сергеевич Пушкин именно об этом написал эту трагедию. И когда сам умирал — вы ведь знаете, друзья, что нашего великого Пушкина убили, как убивали всех великих поэтов в России... тех, кто не боялся говорить правду... Когда умирал Пушкин, он так исповедовался перед смертью, что сам священник вышел от него в слезах...

Вдруг зазвучала веселая испанская песня и... В мастерскую, танцуя, влетела красавица цыганка! Она лихо играла своей богато расшитой оборчатой юбкой. Движения ее были грациозны, точны, легки! Прирожденная танцовщица! Неожиданно она застыла, гордо подняв подбородок, закинув одну руку за голову, а другую ловко уперев в бедро.

— А это Лаура, веселая, пленительная, обворожительная, из «Маленьких трагедий» Александра Сергеевича Пушкина. Она очень счастлива своей привлекательностью, — Волшебник подхватил Лауру за талию и она... запела. Сильный, красивый голос её был наполнен неумемной радостью и бьющим через край жизнерадием... «Слова лились, как будто их рождала не память рабская, но сердце...»

— Сердце... Если не сможешь сердцем участвовать в своей кукле, она останется мертвой, даже если будет красиво двигаться. Да! Друзья мои, вы заметили, что кукла должна уметь разговаривать пластикой своего тела, как в балете. Ее жест, поворот головы, походка, все должно быть очень выразительно. Великая русская балерина Екатерина Максимова, мой друг, теперь уже ушедший... говорила, что театр кукол сродни балетному

искусству. Поэтому актёр театра кукол обязательно должен красиво двигаться, а для этого нужно заниматься пластикой и изучать танец.

Лаура вновь запела. Яркие оборки пышной юбки мелькнули в воздухе, словно праздничный фейерверк.

Но скорбная мелодия, возникшая так же внезапно, как и веселая испанская песня, заставила Лауру замолчать. Лаура... тоже была бережно уложена в коробку... А Дона Анна, именно так назвал прекрасную госпожу Волшебник, медленно двигалась по направлению к маленькой мраморной скамеечке. Её гордая осанка, её длинная тонкая шея, ее неспешные движения — все говорило о знатном происхождении. Дойдя до скамеечки, она, аккуратно прихватив своими изящными руками юбку богатого бархатного платья, так же неспешно села. Глаза её были опущены. Можно было догадаться, что она о ком-то очень скорбит.

Сверчок соскочил с полочки, сел на спинку скамьи и тихо произнес:

— «Ангел Дона Анна!.. Смотрю на вас, когда склонившись тихо, вы чёрные волосы на мрамор Рассыплете — и мнится мне, что тайно Гробницу эту Ангел посетил...»

— Эти слова принадлежат обворожительному красавцу-искусителю Дон Гуану, я думаю, вы знаете это, мои дорогие друзья... — В руках у Волшебника оказалась серебряная флейта. — Когда я был маленьким мальчиком...

— Вы, господин Волшебник были маленьким мальчиком!? Я думал, что Волшебники живут вечно...

— Нет, мой милый Сверчок. У волшебников тоже есть свой срок. И они тоже когда-то бывают маленькими... Самой первой театральной куклой моей был Король. Я смастерил его из обычного яйца и носового платка.

— О, господин Волшебник, расскажите подробнее, пожалуйста.

— Я выпил содержимое яйца, прилепил из пластилина глазки, нос и рот, получилась голова. Потом приделал таким же образом парик из ниточек, расковырял отверстие для указательного пальца. А из фольги соорудил корону и водрузил её на голову. Шить я тогда еще не умел, поэтому для платья взял носовой платок, надел его на палец, просунул палец в отверстие и... Король ожил! Мне бабуля моя помогала...

— У волшебников тоже есть бабушки?

— Да, и моя бабуля... Она самая замечательная! — Волшебник поднёс флейту к губам и... дивная мелодия наполнила все вокруг. — Моя бабуля научила меня слушать настоящую музыку, научила любить оперу, — Волшебник говорил, говорил, а... флейта звучала сама по себе! — Мама... Благодаря маме я полюбил балет, научился владеть своим телом, я знаю танец и постоянно до сих пор занимаюсь у балетного станка, как бы это тяжело не было. Всё в этой жизни надо выстрадать, иначе ничего не получится.

— У вас такой большой опыт работы с театральной куклой, господин Волшебник, и по созданию спектаклей!

— Да, уже в первом классе я пробовал себя в роли режиссера и поставил на сцене басни Ивана Андрее-

вича Крылова с куклами, сделанными из перчаток. Потом, став постарше, я увлек мальчишек театральными куклами! Мы делали декорации, сами мастерили кукол. Даже кукол-марионеток! А это очень не просто. На меня произвел огромное впечатление знаменитый тогда кукольник Альбрехт Розер. Мы даже искали помещение для нашего театра. Не нашли ничего удобнее старого гаража. Нам тогда казалось, что это лучшее в мире помещение для театра кукол!.. Я всегда много читал. У нас дома сохранились старинные книги с сочинениями Александра Сергеевича Пушкина и Михаила Юрьевича Лермонтова. Как я любил рассматривать прекрасные гравюры, украшающие эти книги! У меня чудесная семья. Я так благодарен бабушке и маме за все мое детство! Только бабушка уже не с нами...

— Да, не просто быть актёром в театре кукол!

— Это тяжелая работа, требующая предельно строгого отношения прежде всего к себе самому. Но сколько этот труд приносит радости! Актёр это не простой человек, и даже не простой волшебник. Настоящий актёр — это пророк. Он говорит правду со сцены, он несет людям радость жизни и отдает свою любовь, чтобы люди становились счастливее и искали сокровища не на земле... Актер должен быть достоин этого высокого звания. Ведь сцена... Она возвышается над повседневностью!

Флейта звучала все громче и громче. К ней прибавились нежные звуки клавесина. За клавесином сидел красивый юноша в белом парике, заплетенным косичкой. Его лицо было светло и ясно. Ангельское лицо... Это Моцарт! Великий Моцарт, творивший великую музыку!

Он играл так самозабвенно, казалось, для него не было на свете ничего радостнее, чем играть на клавесине. Да, воистину, «Нас мало избранных...» Волшебник медленно убрал свои руки. Но... Моцарт продолжал играть! А музыка... продолжала звучать...

САМЫЙ ДОБРЫЙ ДРЕССИРОВЩИК НА СВЕТЕ

— О, мои дорогие, как я люблю цирк! Конферансье в черном фраке важно объявляет: «Гимнасты под куполом цирка!» или «Акробаты на трапеции!» или «Канатоходцы!» И сердце замирает от восторга — как же так? Неужели человеку подвластны такие чудеса? Сколько же нужно работать над своим телом, чтобы летать на такой чудовищной высоте или ходить по тонкому канату и ещё выделять всякие трюки! А животных дрессированных я не люблю. — Сверчок грустно вздохнул. — Да, мои дорогие, мне кажется, что диким зверям тяжело жить в тесной клетке. Хорошо, если дрессировщик им попадётся добрый... Такой как Владимир Леонидович Дуров! Вы его и могли видеть! Я вам сейчас расскажу! Слушайте же...

В 19 веке жили-были два брата Владимир и Анатолий Дуровы. Они больше всего на свете хотели стать артистами цирка, а точнее, клоунами! С детства они много тренировались, занимались акробатикой и гимнастикой. Всеми силами добивались работы в цирке. Владимир Леонидович работал фокусником, клоуном, силачом, подражал различным звукам, пел смешные куплеты. Но больше всего он прославился, как дрессировщик животных. Причем очень добрый дрессировщик. Раньше зверей дрессировали кнутом и голодом. Животные слушались дрессировщика от страха. А Владимир Леонидович добивался послушания зверей лаской и доверием. Он изучал особенности поведения животных. А дом свой, где жили все его зверюшки, называл лабора-

торией. К нему даже ученые и профессора приходили, чтобы пополнить свои знания о животных. А еще дом его был известен, как райский уголок. До того там было зверям привольно и хорошо. С тех пор он так и называется «Уголок дедушки Дурова». Сейчас он находится в городе Москве на улице В. Л. Дурова и называется «Театр зверей имени В. Л. Дурова». Про своих любимых зверей, многие из которых были им спасены, он написал книги «Пернатые артисты», «Мои звери», «Звери дедушки Дурова».

Анатолий Леонидович тоже стал очень известным клоуном, пел куплеты, работал со зверями. Он высмеивал все плохое, что происходило в нашей стране. Артистичный, смелый, необыкновенно пластичный, в шикарном парчовом ярком костюме, он был любимцем публики. А еще он был художником, скульптором, литератором, выступал с лекциями о смехе и клоунах. Его дом-музей находится в городе Воронеже.

У Анатолия и Владимира Дуровых все дети, внуки и правнуки стали артистами цирка. В Театре зверей долгие годы хозяйничала внучка Владимира Леонидовича — Наталья Дурова. И вы, наверное, слышали о театре клоунады Терезы Дуровой. Она правнучка Анатолия Леонидовича. А в этом году исполнилось 100 лет со дня рождения его внука Владимира Григорьевича Дурова, знаменитого дрессировщика. И это далеко не все Дуровы! Их родовое дерево имеет очень много ветвей. И все произрастают из одного ствола — из волшебного мира цирка. Вот так-то, мои дорогие. Но... мы продолжаем. И так...

Голодный пёс Бишка брел по грязной невзрачной улочке. Моросил дождь. Кусочек мяса, такой аппетитный, розовый, брошенный ему у мясной лавки доброй теткой с большой корзиной, из которой вкусно пахло, тут же был проглочен мгновенно подскочившим огромным чёрным псом, дежурившим поодаль. Мало того, пёс, сладко облизнувшись, вдруг грозно зарычал и, показав Бишке огромные белые зубы, погнался за ним, хлопая своей огромной челюстью у самого бишкиного уха. Бишка мчался, как ошпаренный так долго, что совершенно потерял следы мясной лавки, у которой промышлял с тех пор, как оказался на улице. Как по-другому добывать еду Бишка ещё не знал. Он был подросшим щенком неопределяемой «дворянской» породы и совершенно непонятного серо-рыже-коричневого цвета, головастый, неуклюжий, вислоухий, с чёрными блестящими глазищами и длинным лохматым хвостом. Бишкой его прозвал мальчишка, иногда проходивший мимо забора и угощавший забавного щенка разными вкусностями. У мальчишки были удивительные глаза. Никогда Бишка не забудет этого нежного грустного взгляда мальчишечьих глаз. Бишка мало на своем веку видел мальчишек, и никто из них не смотрел с такой удивительной добротой. «Эх, ты брат, Башка — Бишка, — говаривал он, почесывал щенка за ухом, — видно башковитый, с такой-то башкой!» Мальчика звали Володькой. Так называли его приятели, приглашая куда-то. Но Володька не спешил к ним. Он гладил и гладил щенка, чесал за ухом и угощал прямо с руки. Но это немыслимое для Бишки удовольствие длилось очень недолго. Бишкина грозная мамаша ненавидела маль-

чишек, от которых обычно были одни неприятности, и поднимала жуткий лай. Другим приходилось расставаться. Бишке казалось, что нет ничего на свете лучше этих блаженных мгновений!

Бишку выставили со двора, как только стало понятно, что он сможет прокормить себя сам. Хозяин посадил его в мешок и отнес так далеко от дома, что бедному щенку обратную дорогу найти было совершенно невозможно. Оставив Бишку прямо в мешке на каком-то пустыре, хозяин, не обращая внимания на Бишкины мольбы, махнул на него рукой и, пробормотав что-то вроде того, что Бишка уже не маленький, быстро поймал извозчика и уехал куда-то. Бишка ясно слышал звук удаляющихся копыт и стучащих по мостовой колес. Выбравшись из слабо завязанного мешка, Бишка нашел немного мясных остатков. Но он не мог оценить «милосердия» бывшего хозяина. Хотя мать Бишки, суровая сторожевая дворняга, почти не обращала на него в последнее время внимания, он спал с ней в теплой будке и получал часть еды из её миски. И у него был дом! И добрый мальчик с грустными глазами! А сейчас... Он один брёл по незнакомой улице... Бишка дрожал от холода, а больше от голода. О том, чтобы попробовать искать Володьку, Бишка даже не смел думать. Во-первых, он давно не показывался, а во-вторых... если бы мальчик мог взять его к себе, он давно бы это уже сделал... Бишкино маленькое сердце больно сжималось от тоски. Шерсть неприятно намокла и стала тяжёлой. Бишка время от времени останавливался, чтобы отряхнуться. Но от голода он так ослабел, что сил даже на эту про-

стую процедуру не хватало. Бишку просто заносило в сторону.

— Тьфу на тебя, грязная тварь! — услышал Бишка рядом со своим повисшим ухом, — Чего бросаешься на людей?! Я вот тебе! — Бишка, как не был слаб, успел увернуться от огромного черного сапога, летящего прямо ему в морду. Щенок припустил так быстро, как только мог, на ходу соображая, что его, видимо, занесло на невежливого гражданина, и он его испачкал своей мокрой шерстью.

Пробежав добрую милю, Бишка, наконец, остановился. Сил бежать больше не было. Оглядевшись вокруг, он присмотрел укромный уголок около старенького деревянного забора, улёгся на сохранившуюся еще мягкую мокрую зеленую траву, укрытую рыжими кленовыми листьями и даже не смог обнюхать вокруг. Положив голову на передние толстые еще щенячьи лапы, сложенные крест на крест, Бишка закрыл глаза и... успев подумать, что жизнь его совершенно никчемная, отключился...

— Бишка! Бишенька!..

Бишке снился его Володька! Его добрые глаза из-под густых тёмных бровей так и сияли! И улыбка! Он осторожно гладил его по голове. О, блаженные минуты! Бишка тоже улыбался, как только мог! Чудесный сон, не кончайся никогда!..

— Бишка! Бишенька! Очнись! Эх, ты, брат, Башка-Бишка!..

Бишка открыл глаза... Перед ним стояла миска, из которой пахло ужасно вкусно! А рука, до такой степени

знакомая, что у Бишки от радости что-то забулькало где-то в области сердца, чесала за ухом! «Я сплю!» — уверенно подумал Бишка и осмотрелся. Перед ним было светлое доброе Володькино лицо! Но в его глазах уже не было грусти. Они светились такими радостными огоньками, что Бишка вскочил и в волнении начал почему-то отряхаться, не удержался и упал, неловко растянувшись на скользком полу. Если бы он мог краснеть, он бы покраснел, стесняясь своей неловкости. Он хотел тут же встать на лапы, но был так слаб, что ему это никак не удавалось. Вдруг он почувствовал, как нежные сильные руки подхватили его и усадили прямо перед миской.

— Ешь, бедолага, ешь, набирайся сил! Я все удивляюсь, как ты нас нашёл?! — Володька не переставал чесать за ухом щенка, — Ничего, крёстный согласился тебя взять. Сначала никак не соглашался. Говорил, хватит моих крыс за окном! Это он ещё не знает про лягушек во дворе и мышонка за домом! Я тебе обязательно покажу моих крыс, и лягушек. Они уморительные штуки делают! А мышонка Васькой звать. Знаешь, какой умный!.. А крёстный увидел тебя у нашего забора да без сознания и согласился! Ты не думай, он добрый, он только с виду грозный! Мы хлопот ему доставляем, ужас! Как он только терпит нас с братом!? — приговаривал мальчик. — Ты ешь, ешь, мы потом с тобой заниматься станем. Артистом цирка будешь!..

Бишка был так счастлив, что ему было абсолютно все равно кем стать. Только чтоб с Володькой!

Так Бишка нежданно-негаданно обрел свой дом! И самого лучшего на свете хозяина Володю Дурова!

Очень скоро умница Бишка освоился в новом доме и стал наблюдать. Во-первых, он узнал, что у Володи был брат Толя. Как-то Толя решил дрессировать Бишку, а Бишка никак не мог понять, что от него хотят. И Толя больно шлёпнул щенка. Володя, как коршун, налетел на брата, сбил его с ног и стал колотить. Но Толя был тоже не робкого десятка. Оба они серьёзно занимались акробатикой и выделывали такие штуки, что Бишке и страшном сне не могло присниться. Они кувыркались, в воздухе переворачивались, ходили на руках, а на перекладине крутились, словно... словно солнце! Бишка все видел сам, собственными огромными своими черными глазами. На занятия они ходили в тайне от крёстного в старый каретный сарай, находившийся в глубине двора, и брали Бишку с собой. Мальчишки сами соорудили турник, кольца, натянули канат для хождения. К ним даже ходил учитель... Анжелло Бриаторо, настоящий артист цирка, бравший за одно занятие целый рубль! А это была приличная сумма. Мальчишкам приходилось жертвовать завтраками. Этот факт очень огорчал Бишку. И пёс всегда норовил оставить своему товарищу кусочек от своей порции. А Володя был уверен, что у Бишки по утрам просто плохой аппетит.

Но мы отвлеклись. В данный момент Бишку очень волновал исход битвы. Он никак не мог понять, кто кого из братьев одолевает, и так разволновался, что начал неистово лаять.

— Владимир! Анатолий! — послышался грозный бас крёстного мальчиков Николая Захаровича. Он стремительно приближался к месту происшествия. Мальчишки были сиротами и жили со своим крёстным. Узнав об

этом, Бишка сначала очень заволновался за судьбу мальчиков. Но когда убедился, что Николай Захарович вовсе не собирался вышвыривать мальчиков в мешке на пустырь, успокоился.

— А ну, прекратите! — крёстный схватил их за шкирки, как щенков, что очень рассмешило Бишку, растащил в стороны и поставил на ноги всё ещё бушевавших мальчишек. — Да вы что себе позволяете, милостивые государи! Вы дворянского рода! А валяетесь в пыли, как какие-то грязные циркисты!

Услышав про циркистов, мальчишки сразу сникли. Цирк! Вот о чём они мечтали! Яркие ослепительные огни, торжественные праздничные звуки труб, барабанов, медных тарелок, круглая арена, посыпанная опилками, удивительно стойкий запах лошадей — запах, которым пахнут все цирки на свете! И самое желанное... аплодисменты!.. Что такое «аплодисменты», Бишка не знал, но судя по рассказам мальчишек, они вкуснее косточек! Как-то добрая бабушка Просковья, жившая во Вдовьем доме и любившая побаловать внуков-сироток, повела их в цирк. Бабушка, к сожалению, купила фальшивые билеты, и им пришлось покинуть цирк еще до начала представления. Но особый цирковой дух успел таки проникнуть, словно волшебное зелье, в мальчишеские сердца и заполонил их полностью! Неужели на свете может быть что-то лучше и чудеснее, чем жизнь циркового артиста! Крёстный Николай Захарович думал по-другому. Он и слышать не хотел про цирк! Он мечтал дать крестникам приличное образование, чтобы они могли достойно служить отечеству. Ну что ж, его можно понять!..

Куда только не устраивал Николай Захарович своих крестников! И в Первую московскую военную гимназию, и в частные пансионы... Все было напрасно. Мальчишки не могли просто спокойно учиться «нормальной», достойной дворянина профессии. К тому времени, когда Бишка попал в дом известного в Москве стряпчего Николая Захаровича Захарова, мальчишки занимались с репетиторами и беспрестанно бегали в свой каретный сарай, где без усталости повышали свое акробатическое мастерство, мечтая о настоящем цирке....

И Бишка вовсе не сидел без дела. Он тоже учился и получал профессию циркиста! Володя сумел научить его многим забавным штукам. Бишка так обожал Володю, что слушался его беспрекословно. Главное, он стремился понять, что хочет от него его любимый учитель. А учитель старался объяснить, что нужно делать. Сначала Володя показывал все команды сам. Это было почти безрезультатно. Бишка страдал, но не мог ничего выполнить. Толя не раз наблюдая творческие муки обоих, предлагал Володе кнут. «Ну и что! Крёстный нас не лупит и справиться не может! А вот господин Анжелло еще как лупит. И какой результат! Мы с тобой уже почти настоящие акробаты. В настоящем цирке работать можем!» Но Володя и слышать ничего не хотел про кнут. «Только доброта и ласка... Ласка и доброта... Животные — наиумнейшие существа. Они и так все поймут! Без твоего кнута! Тебя бы самого кнутом!» — возмущался юный дрессировщик и продолжал свои творческие поиски... «Да на этих несчастных животных у горе-дрессировщиков, что на масленичной неделе у нас на площади выступали, смотреть больно. Забитые, голод-

ные... Неужели кто-то получает удовольствие от эдакого жестокого зрелища? — обращался Володя уже к Бишке. Толя умчался отрабатывать очередное сальто. — Была бы моя воля, всех бы в тюрьму пересажал, а животным бы особый дом построил. И каждому своя комната! — Володины тёмные глаза светлели, густые брови расправлялись, и все лицо его счастливо освещалось, — Я бы их кормил, репетировал бы... Школу звериную организовал! А еще можно было бы железную дорогу! Маленький паровозик и вагончики, в которых крыски, кошки, петухи бы ездили! Я им угощение положу, и они в вагончики сами залезут... Можно было бы целый театр создать. Театр зверей Владимира Дурова! Что, здорово, брат Бишка?» Бишка улыбался и лизал своего хозяина в нос...

Володя смекнул, что надо приучить пса к определенным жестам и командам. И вознаграждать его вкусненьким, как только тот выполнит задание правильно. И дело быстро пошло на лад. Бишка не только выполнял все основные команды, но и научился считать и читать! Вернее, запомнил определенные знаки Володи и гавкал столько, сколько было нужно для ответа в математическом примере. А в книжку с картонными прочными страничками Володя вложил вкусненькие кусочки. Пес в поисках угощения, переворачивал страницы, и создавалось ощущение, что он и впрямь читает. Бишка странички переворачивал аккуратно, да и носом водил из стороны в сторону для большего эффекта. Чего не сделаешь для любимого хозяина!

Бишка прожил у Володи Дурова долгую счастливую собачью жизнь. Он дожил до тех дней, когда Володя

стал Владимиром Дуровым и работал в цирке клоуном! Сбылась заветная мечта... Но сколько пришлось пережить, прежде чем попасть в свет сияющих огней цирковой арены! Володя работал в балаганах, на ярмарках, голодал, нищенствовал, узнал, что такое жестокость и несправедливость хозяина цирка, бродяжничал и чтобы прокормиться, давал соло-представления, используя все те умения, которые приобрели они с братом Анатолием усиленными тренировками в детстве. Он работал дрессировщиком на дому. На его двери висела табличка: «Дрессирую всевозможных животных, специально собак. Владимир Дуров» В маленьком флигеле на Садово-Самотечной улице кого только не было! И множество спасённых и подобранных собак, и козел, и гусак, и даже хрюшка! Все они были ученики в звериной школе. Владимир Леонидович входил в класс и приветливо произносил: «Здравствуйте господа!» Что тут начиналось! Собаки гавкали и махали хвостами, гусак гоготал, хрюшка хрюкала, а козел радостно ме-екал! Но стоило дрессировщику подать знак, водворялась полная тишина. Ученики доверчиво и преданно смотрели на своего учителя. Собаки решали математические примеры, козел приносил требуемые буквы, гусак стрелял из пушки, а хрюшка танцевала вальс...

Бишка уже не мог принимать участие в репетициях. Он счастливо доживал последние дни в любви и почтении любимого, самого доброго дрессировщика Владимира Леонидовича Дурова... «Эх, ты брат, Башка-Бишка!», — почесывал он за висящим, покрытой седой шерстью ухом верного своего друга, первого цир-

кового артиста верного пса Бишки. Бишка счастливо улыбался...

Сверчок тихонько засмеялся. Вдруг вся его каморка осветилась разноцветными огоньками. Где-то далеко слышался радостно-торжественный марш, повсюду загремели хлопушки, и с потолка посыпалось праздничное конфетти...

— Но мы, мои дорогие, совсем забыли, что в цирке бываю клоуны! Об одном замечательном клоуне, Юрии Владимировиче Никулине, тоже самом добром, и пойдет наш рассказ! Итак...

ЕГО ЗАМЕТИЛ КЛОУН

— Юра!

Нет ответа.

— Юрочка-а!!

Нет ответа.

— Удивительно, куда мог деваться этот мальчишка!.. Юрочка-а-а!!!

Мама Юрочки Лидия Ивановна Никулина внимательно оглядела комнату. Юрочки нигде не было.

— Ну погоди, дай только до тебя добраться!..

Лидия Ивановна нагнулась и стала тыкать щеткой под кровать. Она не извлекла оттуда ничего, кроме кошки. Подойдя к открытой настежь двери, она остановилась на пороге и обвела взглядом... огромный коридор коммунальной квартиры. Юрочки не было и тут. Тогда, подойдя к окну и возвысив голос, чтобы ее было слышно как можно дальше, она крикнула:

— Юрочка-а-а, где ты?

За ее спиной послышался легкий шорох, и она оглянулась...

Сверчок помолчал немного, потом улыбнулся.

— Нет-нет, скажете вы, мои дорогие мальчики и девочки, так начинается всем известная и всеми любимая книга Марка Твена про американского мальчишку Тома Сойера. И при чем тут Юрий Никулин? Это же знаменитый клоун! Верно. Но в какой мальчишеской судьбе не было похожего эпизода! Кто из вас не прятался от своих мам, бабушек, тетя и нянь в чулан, кладовку или, на худой конец, в шкаф, чтобы тайно полакомиться

вареньем, как обычно поступал Том, или помечтать о самом сокровенном! И маленькому Юрочке Никулину, как и вам, тоже очень нравилось прятаться в чулане. Но не для того, чтобы полакомиться — в те тяжкие времена с лакомствами было весьма напряженно. И не для того, чтобы помечтать. Юрочке совершенно необходимо было уединяться, чтобы... репетировать! Ведь, оставшись один на один с собой, он мог по настоящему работать... в цирке! Пусть пока еще в выдуманном, ненастоящем! Но это для окружающих. А для него все было вполне настоящим — и круглая арена, покрытая ярким ковром, и стремительные всадники, и виртуозные гимнасты, и ловкачи-фокусники, и отважные дрессировщики, и слоны-гиганты... И он сам — веселый клоун в ярком, заботливо сшитом мамой клоунском костюме с огромным бумажным воротником. Он до того увлекался, что даже ощущал запах... необыкновенный манящий запах цирка, запах свежих опилок и конюшни! И, несмотря на то, что все роли исполнял он один, представление было не просто захватывающим, оно было завораживающим, а в некоторых местах и леденящим зрительские сердца! И Юрочка начинал вспоминать. Вспоминать то, свое первое знакомство с цирком. Как пришёл туда с папой за руку, как восхищался даже беспорядочными звуками готовившегося к представлению оркестра. Как буквально захлёбывался от смеха, глядя на ярко разодетых клоунов, на танцующую в стакане ложечку, привязанную за веревочку... на чудо-цилиндр, в котором помещалось кроме огромного числа платочков и шарфиков — две курицы, батоны хлеба, гирлянда сосисок, круг колбасы и щедрая рука кого-то сидящего под столом, подающая

все это многообразие... Да, именно клоуны произвели на пятилетнего Юрочку Никулина неизгладимое впечатление! Он в таком восторге кричал и тормозил отца, что один из клоунов его передразнил! Все засмеялись. А Юрочка, когда пришел домой, прямо с порога заявил: «А меня заметил клоун. Он со мной разговаривал». Заметил клоун! Бывает же такое. Вот тебе и судьба. Заметил клоун и на всю жизнь связал с цирком, с ареной, с удивительными фокусами и трюками, восхищавшими и восхищающими до сих пор нас с вами, мои дорогие.

Юрочка Никулин, хоть и твердо решил с этого памятного момента, что будет клоуном, но не было у него уверенности в себе, в своих клоунских способностях. Даже, не смотря на то, что обладал он одним уникальным качеством — он не боялся быть смешным! А поэтому любил смешить. Смешил Юрочка одноклассников на уроках к великой их радости! Смешил, рассказывая с самым серьезным и невозмутимым видом невероятные истории об Иоане Грозном! Или, притворяясь полным балбесом, не знающим, что такое циркуль и даже не способным произнести это «сложное» слово, поражал учителя своей невероятной непонятливостью и бестолковостью! Или танцуя с неимоверно огромным ножом в зубах очень популярный тогда танец «Лезгинку», будто бы отмахивался от пчелы и вместо привычного «ас-са» выкрикивал «Пчела!», «Пчела!». Смешил, распевая весёлые песенки, рассказывая анекдоты, которые коллекционировал и знал бесконечное множество. Смешил, даже когда был на фронте! Ведь Юрий Владимирович Никулин прошел всю войну, получил

боевые награды и вернулся живым, за что бесконечно был благодарен своей счастливой судьбе! На фронте он в редкие минуты отдыха занимался веселыми представлениями, придумывал клоунады, сценки, пародии на Гитлера. И это были незабываемые минуты для солдат, каждый день рисковавших своей жизнью, каждый день хоронивших своих товарищей, каждый день видевших ужасы войны и мечтавших о возвращении домой к мирному времени. Никулин, может быть, даже и не осознавал всей важности своей импровизированной концертной деятельности! Он был всегда... Всегда!.. о-очень скромным человеком, и очень ответственным, поэтому страшно сомневающимся в своих способностях! В том, что сможет стать настоящим клоуном. В том, что у него хватит на это сил и таланта! А особенно эта уверенность куда-то потерялась, когда он, вернувшись с фронта, уже учился в студии клоунады при Государственном цирке на Цветном бульваре. Чем ближе он подбирался к тайнам этой удивительной и сложнейшей профессии, тем больше понимал, что до настоящего клоуна ему ой как далеко! Поэтому Юрий Никулин всегда... Всегда!.. о-очень много работал и бесконечно учился! С утра до вечера и с вечера до утра! Порой без перерыва на обед и отдых! Каждый трюк отрабатывал по тысячи раз, пока не получится идеально, без помарок! Казалось бы, в чем сложность изобразить человека из зрительного зала, некоего нескладного, не спортивного верзилу, случайно зашедшего на представление, которого знаменитый клоун Карандаш будто бы наугад вытаскивал на арену и учил кататься на лошади! И что такого особенного? Страховка есть, все продумано! Но

так кажется со стороны нам, мои дорогие, не имеющим представления о том, какого титанического труда стоит даже такая маленькая роль! Сколько часов езды на лошадях, сколько уроков по акробатике, сколько падений, ушибов. Сколько упорства, воли, а главное желания стать клоуном! Сколько размышлений, поисков, проб, ошибок... Кто они такие, эти клоуны, эти загадочные существа, обладающие секретами смешного. Ведь стоит им захотеть, они сделают так, что вы будете валяться от хохота! И почему когда великий Карандаш, Николай Михайлович Румянцев, со своей лохматой Кляксой появлялся на арене, на зрительный зал накатывалась огромная волна доброты и радости! И все начинали смеяться. Великий клоун еще ничего не сделал и не сказал, а уже смеялись! Смеялись даже самые хмурые и недовольные! Чудо?... Да, это самое настоящее чудо! Но как достичь такого совершенства? Где спрятан тот золотой ключик, которым открывают дверку в тайны клоунского искусства?.. Даже когда Юрий Никулин получил диплом об окончании студии, эдакую красненькую симпатичную книжицу, он не считал себя настоящим клоуном. Он несколько лет работал ассистентом Карандаша, терпеливо и смиренно принимал все замечания, нарекания, даже порой несправедливые, выполнял беспрекословно все задания и упражнения, одним словом, всем своим существом вникал во все закоулки и переулочки любимого дела, и не отчаивался, когда оказывался в тупике. Уж слишком велико было желание — выйти на арену и... чтоб в этот самый момент зрительный зал охватила та добрая волна, а потом рассыпалась под куполом цирка весёлым сме-

хом, и засияли бы вокруг всеми цветами радуги, словно конфетти, радостные искорки в счастливых глазах зрителей, в наших с вами глазах, мои дорогие!.. Однажды так и случилось — и счастье, и радость, и огромная необъятная зрительская любовь. Юрий Никулин стал Клоуном, великим и обожаемым всеми от мала до велика! Ведь даже при упоминании этого имени мы улыбаемся! И на душе становится как-то тепло-тепло. А уж кому посчастливилось видеть его на арене, те получили бесценный подарок на всю жизнь — кусочек его доброй души. И совершенно не важно, что клоун Никулин делал на арене — таскал ли бутафорское бревно, гонялся ли с огромным молотком за униформистом, ловил ли на голову кирпич, обливался водой из ведра... этих интермедий и реприз такое множество, что и книжки не хватит, чтобы все описать. А для нас с вами, мои дорогие, осталась его чудесная книга о себе «Почти серьезно», написанная просто, с великой скромностью и великой любовью. Остались еще и старые фильмы. Помните? «Кавказская пленница», «Операция «Ы» и другие приключения Шурика», «Самогонщики»... Но не только эти. Еще и другие ... «Они сражались за Родину», «Ко мне, Мухтар!», «Когда деревья были большими», «Старики-разбойники»... В этих фильмах нет веселого долговязого клоуна в маленькой круглой шляпке, надетой чуть на бок... Нет и незадачливого Балбеса... В них остался замечательный актёр Юрий Владимирович Никулин, трогательный, обаятельный, с удивительно красивым, каким-то родным лицом и добрыми-предобрыми глазами... С глазами того мальчи-

ка, который больше всего на свете любил играть в цирк... Вот так!..

ЛЮБИТЕ ЛИ ВЫ БАБУ ЯГУ?

Сверчок рассматривал старые, пожелтевшие, черно-белые фотографии, окружающие его со всех сторон.

— Кино — это не театр, мои дорогие... А театр — это не кино... — говорил он в задумчивости. — Театр невозможно сохранить на киноплёнке. Спектакль живет только на сцене и только вживую... Кино же остается на века и всегда молодо и современно, если это настоящее кино, конечно, а не ерунда какая-нибудь...

Сверчок вдруг развернул одну из фотографий и ... О, нет! Только ее, этой страшной бабки, здесь не хватало! Мало в детстве пугали! Сверчок засмеялся.

— А знаете ли вы, мои дорогие друзья, что Бабки-Ёжки бывают разные? Да-да, Бабки-Ёжки бывают не только страшные-престрашные старые карьги, которые с аппетитом пожирают маленьких детей и украшают черепами забор вокруг своего таинственного жилища на курьих ножках, затерянного где-то в дремучей-предремучей лесной чаще! Бабки-Ёжки бывают... весьма обаятельные старушки! Да-да, именно обаятельные! Обаятельные, несмотря на огромный горбатый нос и торчащий изо рта одинокий страшный зуб, несмотря на противный скрипучий шепелявый голос, несмотря на жуткие отрепья, на нечесанные космы, торчащие из-под драного платка непонятного цвета, надетого на голову еще в далекие-далекие незапамятные времена! Обаятельные, несмотря на упрямство, плохое, порой просто сказочно-свинское поведение и даже... на костяную ногу!

«Чудеса, да и только!..», — скажете вы, мои дорогие. Но... это действительно чудо! А называется оно талантом!

Таким чудесным талантом обладал знаменитый актёр Георгий Францевич Милляр, который переиграл столько Бабок-Ёжек в фильмах великого киносказочника Александра Роу, что не в сказке сказать, ни пером описать! Его Бабки-Ёжки были всякими — злющими-презлющими и вредными-превредными... И свое черное дело всегда знали и бессовестно пользовались этой своей черной силой! И Бабок-Ёжек этих Милляр изображал натуральней не придумаешь! И запомнились они ярко, отчетливо... И почему-то ни капельки не страшно! Мало того, воспоминания о них вызывают улыбку! «Вот так чудеса!..» — вновь воскликните вы, мои дорогие. А я вновь повторю вам, что это чудо — талант!

Талант — это подарок. Щедрый, красивый подарок нам Свыше... Важно сохранить его, преумножить и вернуть, успев порадовать этим Даром своих ближних. Все это возможно осуществить с великой искренностью, с великим терпением, с великой самоотверженностью и... с великим трудолюбием!

Но... постойте! Именно здесь и кроется великая актёрская тайна Георгия Милляра, создавшего уникальный образ сказочной Бабы-Яги, лучше которой во всем мире не сыщешь! Георгий Францевич действительно обладал всеми этими волшебными качествами и не щадил себя, перевоплощаясь в нечистую силу! «Вот так работка — быть Бабой Ягой!..» — удивитесь вы, мои дорогие. И я вам отвечу: не просто работка — каторж-

ный труд! Милляр продумывал все сам — от кончика носа до болтающихся словно ушки кончиков головного платка. Нос, уши, брови, усы, бородавки, прическа, костюм, движения, походка, голос, интонации... Все было конкретным, характерным, человеческим. Над этим он работал до изнеможения, оттачивая каждую мелочь, каждый штрих. Не раз жертвовал своими собственными волосами и даже бровями. Иначе не поверят! А «Не верю!» для актера — хуже смерти! Все стены маленькой Милляровской крохотной квартирки были увешаны зеркалами. Он постоянно упражнялся перед этими правдивыми своими советчиками, придирчиво оглядывая себя со всех сторон. «Я с зеркалом дружу, — объяснял он недоумевающим гостям, подсчитывающим количество зеркал, — Зеркало — неплохой режиссер. Никто не даст мне возможности посмотреть на себя сзади!»

И каков результат! Даже лошадь... Лошадь!.. испугавшись, отказывалась везти его Кощея Бессмертного! Да-да! И этого представителя нечистой силы Георгий Францевич тоже имел счастье сыграть в киносказке «Василиса Прекрасная». Приходилось завязывать глаза этой бедной животине, чтобы она могла безбоязненно для своей нервной системы возить на себе эдакое косявое чудовище с противными черненькими усиками! А Милляр, тяжело переболевший во время эвакуации в начале Великой Отечественной войны, и без костюма тогда был похож на живой скелет. Кощей его был убедителен, страшен, коварен и зол, но не беспредельно ужасен, как в «ужастике». Он обладал конкретными чертами характера жутко неприятного человека. И по-

этому у Кощея этого в костлявых руках его руках была воистину волшебная сила, способная не только увлечь за собой в свое сказочное тёмное царство и как следует прочувствовать мрак наших гадких помыслов, поступков, мыслей, которые хранятся в огромных кощеевых сундуках под огромными замками как самые драгоценные его богатства. Но и почувствовать великое желание вырваться из поганой тьмы этой на свет Божий, на свободу, к теплу, к солнышку. Улыбнуться друг другу и простить...

Георгий Францевич один из великих сказочных актёров! Никто не сыграл столько сказочных персонажей! О месте своей работы он просто говорил: «Я работаю в области сказок...». По-моему, невозможно себе представить другую Бабу Ягу, страдающую радикулитом! Другого Кощея вполне смертного и победимого! Или другое Чудо-Юдо морское из киносказки «Варвара Краса, длинная коса». Жутковатое, коварное существо с длинейшим носом, похожим на огромную грушу и длиннющими, как у сома, усами! Ужас! Но до чего жалко его. Ведь оно, Чудо-Юдо это, чудит-то от одиночества. И скучно ему, и грустно, и некому пожать лапу... или ласту?.. Не важно! Одним словом, некому подбодрить, доброе слово сказать. Все вокруг боятся его и врут. Одна доченька красавица Варварушка ненаглядная сердце Чудо-Юдино греет. И поэтому сердце-то его отцовское болит, ищет жениха ей необычного, земного, умного да красивого, чтобы было с кем в царстве этом, скучном да мокром поговорить, душу свою нежную женскую отвести...

Говорят, уютно было в доме Георгия Францевича, будто в любимой сказке, тепло, сердечно как-то. Гостей любил и принимать умел. Чаем поил из свистящего чайника, угощал всякими вкусностями, чем сам богат был, стихи читал, исполнял куплеты и доводил гостей своих любимых до слёз... от смеха! Смешливым был, весёлым. «Больше всего ценю в людях юмор...», — говорил он. А как же иначе? Юмор — первый друг, товарищ и брат, да ещё лекарь. От любой хвори спасает. Поэтому с щедростью делился с телевизионного экрана с нами своим этим сокровищем, чтобы мы здоровыми были и не унывали никогда, ни при каких обстоятельствах. А если случилась какая-нибудь неприятность, вспомнили бы его старушку лесную с костяной ногой и... что сделали? Правильно! Улыбнулись! И неприятностей как не бывало! Георгий Францевич даже словарь собственного сочинения изобрел. Так, на всякий случай. Вдруг кто-нибудь не сможет вовремя вспомнить его киногероев, тогда у такого бедолаги под рукой всегда будут миллиарвские фразочки. Словно пилюльки. Но фразочки эти миллиарвские крылья отрастили и разлетелись по белу свету. Люди повторяют их, словно поговорки — мудрость народную и даже не догадываются, что у этих поговорок есть автор, да какой! Лучшая Баба-Яга в мире!.. Честно говоря, никогда не думал, что эта нечисть лекарем окажется и столько радостных минут подарит! Чудеса, да и только!.. Лучше постареть, чем устареть... Остроумно? Весьма! Молодость — нет такого старого генерала, который не мечтал бы стать молодым солдатом. Мудро? Конечно! Милляр — единственный Кощей, который не считает себя бессмертным. А

вот это неправда! Идет время, бегут года. А миллиарвские герои живут и здравствуют, удивляя, радуя и поражая своим бессмертием, вас, мои дорогие, своих зрителей...

КТО С ДОБРОЙ СКАЗКОЙ ВХОДИТ В ДОМ...

Сверчок был весел, как никогда! Он светился в своем плащике. Только плащик был уже не из лунного света, он переливался радужными цветами и, казалось, жил своей особой сказочной жизнью. Вдруг Сверчок достал из-под этого своего плаща... скрипочку?.. Нет-нет! Ключ! Золотой! Да огромный какой! Но Сверчок с лёгкостью поднёс его ко рту и ... заиграл, словно на дудочке! Ничего себе! Весёлая, знакомая песенка очень-очень нежно зазвучала в маленькой каморке.

— Должен вам сказать, — Сверчок сделал паузу, — что кино люблю не меньше театра! Кино-сказки, конечно! Это вы, наверное, поняли уже. Помните знаменитую песенку из фильма «Приключения Буратино»? — Ах, вот, что это за песенка! — Пойте, мои дорогие, пойте!..

Кто с доброй сказкой входит в дом?..
Кто с детства каждому знаком?..
Не помните?! Вспоминайте, пожалуйста!
Кто не учёный, не поэт,
А покорил весь белый свет!
Кого по всюду узнают!
Скажите, как его зовут?

Сверчок веселился от души!

— Давайте-ка вместе с детьми, собравшимися в зрительном зале волшебного театра папы Карло, дружно произнесём это прославленное имя и поприветствуем деревянного человечка, известного на весь мир!

БУ-РА-ТИ-НО! БУ-РА-ТИ-НО!! БУ-РА-ТИ-НО!!

Молодцы! Вы все помните, мои дорогие! Да и нельзя забыть этот чудесный фильм, излучающий необыкновенно радостный свет, отогревающий наши сердца. Вспомните песенку светлячков-фонарщиков! Светлячков, которые зажигают вечером фонари на всех улицах. Ведь в те времена, когда жили герои фильма, еще не было электричества. «Шагаем вслед, вслед, вслед, туда, где тень, тень, тень...» — пели они вечером того знаменательного дня, когда появился на свет Буратино. Помните? Он потом сбежал с коварным котом Базилио и обманщицей лисой Алисой. И заставил бедного папу Карло разыскивать его по всему городу. Фонарщики вроде бы не задействованы в сюжете фильма, но их песенка и есть тот самый Золотой Ключик, о котором мечтали все герои этой телевизионной сказки. Именно, тот ключик, о котором мечтаем и мы с вами. Не, правда ли?.. «Да будет свет, свет, свет, как будто день, день, день...»

Не знаю, какие фильмы сейчас любимые у вас, мои дорогие, но никогда не поверю, чтоб этот фильм не был в их числе! Да и как можно не полюбить деревянного человечка, маленького, но весьма смелого озорника, так напоминающего обыкновенного мальчишку, готового ради справедливости на самые отчаянные поступки! Каждый нормальный мальчишка мечтает поменять однажды букварь на билет в театр, победить злого и могущественного Карабаса Барабаса и добыть Золотой Ключик счастья!

Как можно не полюбить папу Карло! Достаточно заглянуть в его удивительно добрые глаза. Доброта — великая сила. Она придаёт мужества и уверенности да-

же самым, казалось бы, беззащитным людям. А Джузеппе... Помните соседа папы Карло по прозвищу Сизый Нос, не верившего в доброту и верность! Как искренна и трогательна его радость, когда он вдруг понял, что глубоко ошибался... А помните старую и страшно мудрую черепаху Тортилу, ее строгую, но очень добрую улыбку, обращенную к Буратино. И хохочущих лягушат, всегда сопровождающих свою любимую тетюшку... А куклы! Куклы из театра Карабаса Барабаса! Не забывается нежный голосок Мальвины, напоминающий звон серебряных колокольчиков. Она очаровательна, эта фарфоровая куколка с голубыми волосами. Но и она похожа на обычную девочку, которая больше всего на свете любит воспитывать этих неопрятных неусидчивых мальчишек с вечно разодранными локтями да разбитыми носами и заставлять их пить кипяченое молоко, чистить зубы и учить уроки. А храброго пса Артемона вы помните? Ведь он действительно очень храбрый! И даже не верится, что он всего лишь стриженный домашний пудель! Он так бесстрашно бросается защищать свою хозяйку от огромных полицейских бульдогов! А розовощекого Арлекина с весёлыми бубенчиками на шапочке помните?.. И всегда грустного поэта Пьеро с белым личиком и нарисованными на нём капельками слёз для верности — вдруг, не дай Бог, засмеётся!... Ведь он должен всегда плакать. Такая уж у него роль... Но он все-таки засмеётся, когда Буратино так легко и оригинально одолеет Карабаса Барабаса и его дружка продавца пивок Дуремара! Невольно опять вспоминается песенка светлячков-фонарщиков, этих добряков, способных своими волшебными фона-

риками разогнать мрак и злые помыслы человеческой души. «Шагаем вслед, вслед, вслед туда, где тень, тень, тень...»

Кто же этот телевизионный волшебник, создавший столь доброе и тёплое зрелище, которое до сих пор, почти тридцать лет объединяет у экранов и детей и взрослых!? Представляю, для тех, кто не знает — кинорежиссер Леонид Алексеевич Нечаев! Прошу любить и жаловать!

Вам бы хотелось побеседовать с волшебником? Да не с простым, а с киношным? Еще бы! Нечего и спрашивать! Так давайте попробуем! Помните какие-нибудь волшебные слова? Вспомнил! Крекс, фекс, пекс! Хотя... это заклинание вовсе не волшебное. Его придумали кот Базилио и лиса Алиса, чтобы обмануть Буратино и овладеть его пятью золотыми. Попробуйте вспомнить волшебные слова из фильмов Нечаева! Может быть, из фильмов «Про Красную шапочку» или про мальчика, который продал свой смех, стал влиятельным и богатым, но самым несчастным мальчишкой на свете, потому что разучился радоваться? Или из фильма про «Рыжего, честного влюбленного» лисенка, который дружил с цыпленком и совершенно не умел хитрить? Да и в фильме «Сверчок на печи» ничего такого волшебного нет... Потрясающе! Мы с вами сделали великое открытие! В фильмах Нечаева и слов-то специально волшебных нет! И чудес и превращений нет! А сказки чудесные-пречудесные получаются! Чудеса, да и только! Потому что чувства чудесные в его сказках живут — любовь, доброта, верность, мужество, искренность. Они-то, чувства эти, даже в нашей с вами обычной жиз-

ни превращают зло в добро, ненависть в любовь, а коварство и зависть в бескорыстие и радушие! А кто не хочет исправляться — пожинай плоды своего поведения, то есть оставайся «у разбитого корыта», то есть Золотого Ключика от счастья тебе не видать и не держать в своих руках... или лапах!

Но что же нам делать без волшебных-то слов! Как же нам с волшебником побеседовать? Наверное, надо просто эти чудесные чувства в своей душе сохранить. У всех кого обидели — прощения попросить, а того, кто обидел — простить! А если не получается — посмотреть какой-нибудь фильм Леонида Нечаева. Тогда уж точно получится... Попробуем? Раз, два, три!.. И мы в сказочных владениях киностудии, где правит главный волшебник кинорежиссёр! Кругом декорации, прожектора, огромные кинокамеры... А народу-то сколько! Актёры, гримёры, художники, осветители, операторы, костюмеры и еще куча всяких помощников и просто любопытствующих! И всей этой машиной управляет один человек! Да, воистину, он должен обладать, кроме таланта, сказочными свойствами — не только терпением, мужеством, стойкостью, выдержкой, но и строгостью, и даже жёсткостью, и, конечно же, сказочной добротой... А главное, он должен любить дело, которому посвятил свою жизнь. Тогда и сказки получаются чудесные... Интересно, кем режиссёр Нечаев себя чувствует на съёмочной площадке — папой Карло или Карабасом Барабасом?! Наверно и тем, и другим одновременно! Иначе не справиться! Кого приласкать, кого отругать. Леня ведь не так просто одолеть, мои дорогие! О чём бы нам спросить его? Может быть про детство? Да какое мо-

жет быть послевоенное детство... Голодное, холодное, ни одежды, ни сладостей, ни игрушек. Но умение радоваться — волшебное свойство! И дети, жившие в те страшные годы, тоже умели радоваться! И поэтому чувствовали себя порой очень счастливыми, даже, может быть, более счастливыми, чем мы с вами, выросшие в довольстве и сытости. Потому что умели ценить те крохи праздника, которые выпадали на их долю. И наш киноволшебник Леонид Нечаев рассказал, что самым ярким воспоминаем детства была живая пахучая ёлочка, принесенная мамой с мороза... И мандарины... Вам не кажется, что у Нечаева в каждой сказке такой мандарин вам, зрителям, в подарок припрятан! Нарядный, яркий, ароматный, одним словом, Рождественский...

А когда, интересно, Нечаев решил стать кинорежиссером детских фильмов? Да по-разному бывает. Может быть, спектакль детский увидел... «Синюю птицу», например, во МХАТе! О, это была удивительная театральная сказка!.. Сейчас таких и нет... А иногда понимаешь своё призвание, когда уже учишься по специальности, но ещё толком не определился, чем конкретно ты можешь заниматься. И вдруг... происходит озарение, например работу дипломную сделаешь для детей и поймешь, что хочешь жизнь свою посвятить киносказкам, в которых играть будут дети. Так и произошло с Леонидом Алексеевичем. Да он, вообще-то, считает, что с детьми работать гораздо интереснее, чем с профессиональными взрослыми актерами. Но это большой секрет. Взрослым актёрам об этом лучше не рассказывать...

Сверчок сидел на своей полочке над очагом и бережно укладывал скрипочку в футляр.

— Что-о!? О чём вы спрашиваете? — Сверчок захлопнул замочки футляра, — Снимался ли я в этом фильме про Буратино? О, нет! Но позвольте, какой из меня актёр?! Это такая сложная профессия. Я вам столько об этом рассказал! — Сверчок встал на лапки и взял за ручку футляра. — Да и кого я могу сыграть? Только самого себя...

Сверчок завернулся в свой плащик, вновь из лунного света и... прыгнул в очаг?! Нет-нет! Очаг был ненастоящий. Он... он нарисованный! Его нарисовали на большом холсте. Сверчок пропал... А на холсте осталась лишь маленькая дырочка, проделанная длинным любопытным носом любимого всеми деревянного мальчишки Буратино. Да нежно позвякивал золотой ключик, болтаясь рядом с очагом на гвоздике...

СОДЕРЖАНИЕ

ПОДАРОК ВЕЛИКОГО АКТЕРА.....	3
«...Я СЧАСТЛИВЕЙШИЙ ЧЕЛОВЕК В МИРЕ...»	10
КУКЛЫ НА ФРОНТЕ.....	16
В ВОЛШЕБНУЮ СТРАНУ ТЕАТРАЛЬНЫХ КУКОЛ!	22
САМЫЙ ДОБРЫЙ ДРЕССИРОВЩИК НА СВЕТЕ.....	32
ЕГО ЗАМЕТИЛ КЛОУН	44
ЛЮБИТЕ ЛИ ВЫ БАБУ ЯГУ?	51
КТО С ДОБРОЙ СКАЗКОЙ ВХОДИТ В ДОМ...	57